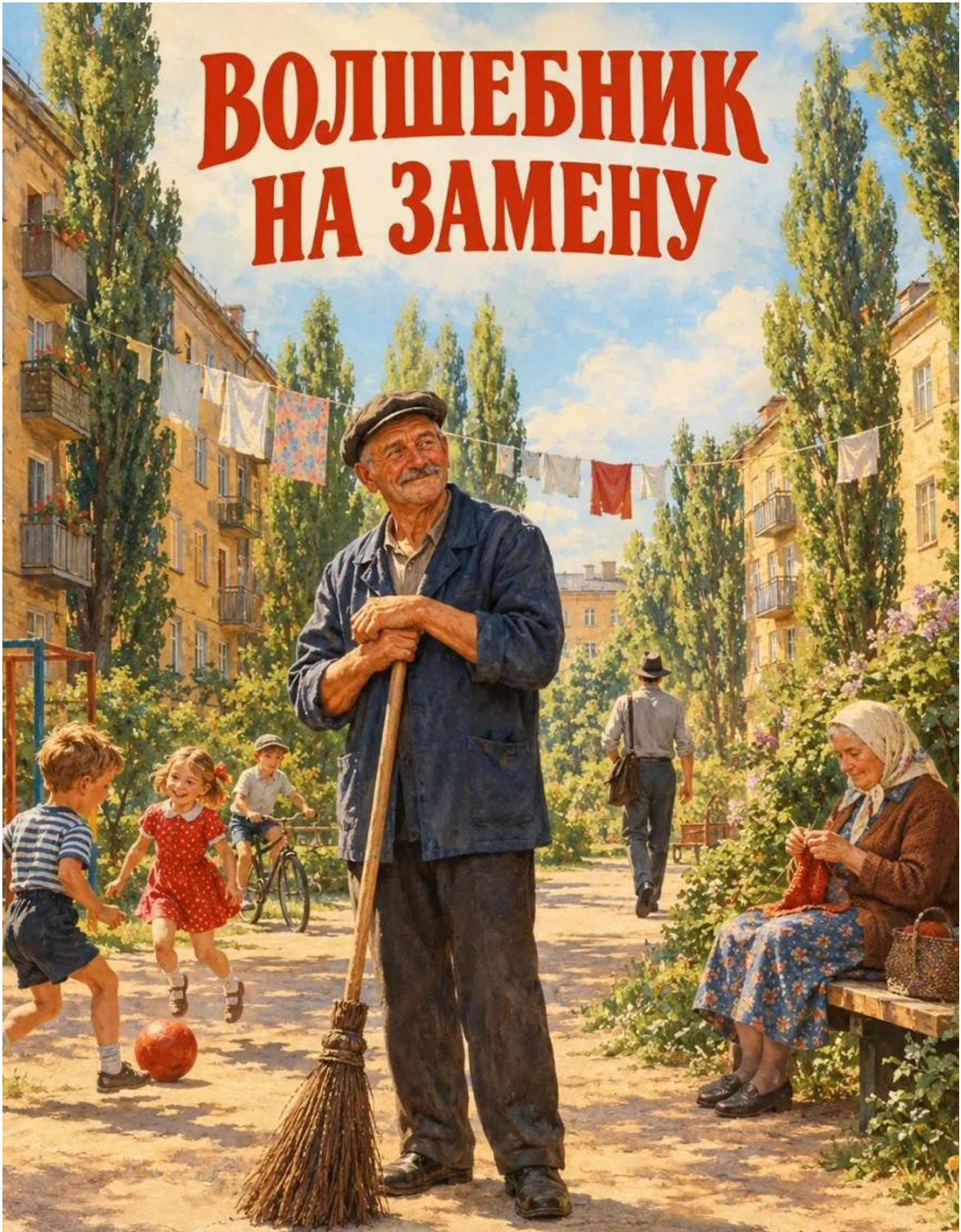
ВОЛШЕБНИК НА ЗАМЕНУ



Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

Волшебник на замену

«Автор»
2026

Диковинный С. В.

Волшебник на замену / С. В. Диковинный — «Автор», 2026

Волшебник устал. Волшебник хочет на пляж — полежать, помолчать, посмотреть на океан.И он находит себе замену: дворника Петровича, который сорок лет метёт один и тот же двор, знает тут каждую лавочку и каждого жильца, и давно ничему не удивляется.Условие одно: ровно месяц.Петрович соглашается — и очень скоро понимает, что волшебство, которое ему досталось, не выигрывает споров, не сносит стены и не пугает людей с папками. Оно вообще почти ничего не делает. И всё-таки именно с ним двор начинает меняться.Что из этого получилось — читайте в этой повести.Сергей Диковинный. «Волшебник на замену».

© Диковинный С. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сон, квас и три бутерброда 5
Глава 2. Осторожнее с желаниями 8
Глава 3. По морю, по пляжу, по мыслям 13
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Сергей Диковинный
Волшебник на замену

Глава 1. Сон, квас и три бутерброда



Петрович проснулся оттого, что вспотел.

Дело было обычное, летнее — июль стоял душный, какой-то неправильный, без единого дождя за две недели. Но вспотел он не от жары. Вспотел он во сне, и это было странно, потому что Петрович за свои шестьдесят восемь лет как-то не привык, чтобы сны его до пота доводили. Снилось ему больше по мелочи: то двор, то метла, то соседка Клавдия с третьего подъезда, которая вечно забывала закрыть кран в подвале. А тут — вспотел.

Подушка была мокрая насквозь.

Петрович сел на кровати, потрогал её ладонью, вздохнул и посмотрел на будильник. Половина четвёртого. За окном было серо-сине и тихо. Даже вороны не орали — спали.

— Приснится же такое, — сказал Петрович в темноту. — Эх, сейчас бы кваску холодненького…

Он сказал это просто так, не всерьёз. Как говорят иногда никому, для себя. Квас у него был, в холодильнике, на дне — но это был квас из магазина, тёплый и разбавленный, и Петрович знал, что идти за ним на кухню — это дело на полчаса: пока дойдёшь, пока включишь свет, пока найдёшь стакан… Он уже почти откинулся обратно на подушку, как вдруг услышал тихий, отчётливый звук.

Звяк.

Петрович замер.

Звяк повторился — лёгкий, стеклянный, — и в этой тишине, в этой душной июльской ночи он прозвучал так, что у Петровича по спине прошёл холодок. Медленно, насколько мог медленно, он повернул голову к столу.

На столе стояла бутылка.

Литровая. С квасом. И вся она была запотевшая, покрытая мелкими капельками, как бывает, когда достанешь её только что из ледника.

Петрович смотрел на неё долго. Потом посмотрел на балконную дверь — заперта. Потом на входную — та в коридоре, за стеной, он бы услышал. Потом опять на бутылку.

— Ты откуда взялся? — спросил Петрович.

Бутылка не ответила. Только капелька медленно поползла по стеклу вниз, оставляя за собой светлый след.

Петрович подумал: «Соседка?» Но Клавдия с третьего подъезда в его квартиру никогда не заходила — у неё ключа не было, и вообще, она квасом никого не угощала, она больше по части жалоб в управляющую компанию. Подумал: «Старуха со второго этажа?» — та вообще не вставала. Подумал про участкового, но участковый был мужик серьёзный и без повода в гости не ходил, а уж с квасом — тем более.

И тогда Петрович подумал третью мысль, ту самую, которую он гнал от себя весь этот сон. Он вспомнил, что ему снилось.

Снился ему волшебник.

Снился не так, чтобы очень уж подробно. Помнилось ощущение, не картинка. Вот как будто сидишь ты напротив человека, и человек этот говорит с тобой долго, обстоятельно, как говорят с мастером, которому передают смену: вот тут так, вот тут так, а вот за этим присмотри. И хотя лиц не разглядеть, и слов не вспомнить, — а всё равно чувствуешь, что говорили с тобой всерьёз. Не просто так.

«Петрович, — говорил волшебник. — Устал я. Отдохнуть хочу. Месяц. По-человечески, понимаешь? В отпуск. Как все. Положено мне».

«А дела?»

«А дела на тебя оставлю. Ты ж не откажешь».

«Не откажу», — согласился во сне Петрович, и вот с этого-то согласия, видимо, всё и началось.

Он тогда во сне ещё удивился: почему на него? И почему на месяц? И какой он, к лешему, волшебник, если всю жизнь метлой машет?.. Но во сне вопросов не позадаёшь, во сне всё ясно и просто. Проснулся — и в памяти осталась одна фраза, будто в ней гвоздь:

«Месяц. Ровно месяц. Держи равновесие».

Петрович посидел ещё немного. Потом встал, подошёл к столу и взял бутылку. Холодная. Настоящая. Отпотевшая.

Он открутил крышку, понюхал — квас. Самый обычный, свежий, с лёгкой горчинкой. Глотнул из горлышка — и по всему нутру разлилось таким холодом, таким облегчением, что Петрович даже глаза прикрыл.

— Ну, — сказал он вслух, никого не имея в виду. — Ну надо же.

Он стоял в темноте, с бутылкой в руке, и в голове у него было пусто и легко, как у человека, который случайно узнал, что земля круглая, но пока ещё не понимает, что с этим делать.

И тут Петрович подумал ещё одну вещь.

А если к квасу — да бутерброд с чёрной икрой?

Он и сам не понял, зачем подумал. Икра была для него словом из другой жизни. Он видел её раз, может, два — у начальника конторы на Новый год, на большом столе, тонкими кружочками на белом хлебе. Тогда ещё Петрович подумал: «Красиво, но на один зуб». И вот теперь он стоял в своей комнате, ночью, с квасом в руке, и думал про эту икру.

Ну, не то чтобы он её хотел. Не в ней было дело. Просто вспомнилось.

— Нет, — сказал себе Петрович, — это уже глупости.

Он отвернулся, сделал шаг к кровати — и остановился.

Потому что услышал, как за спиной, на столе, что-то тихо стукнуло.

Он обернулся.

На тарелке, той самой, что стояла на столе пустая — она всегда стояла там, для яблока или для семечек, — лежал бутерброд. Белый хлеб, масло, и поверх масла — толстый, ровный слой чёрной икры.

Петрович замер.

Бутерброд был один.

«Мало, — подумал Петрович, сам не зная почему. — Надо два».

И тут же, легонько стукнув, на тарелке оказался второй.

«А лучше три», — подумал Петрович, и сам себе ужаснулся.

Третий появился.

Петрович стоял посреди комнаты, смотрел на тарелку и понимал, что всё это — не сон. Подушка мокрая. Квас холодный. Бутерброды настоящие. Он подошёл, взял один, откусил — и почувствовал, как масло тает под икрой, как хрустит хлеб, как солёное и жирное смешивается во рту в такую вкусноту, какой он не пробовал, наверное, с самого детства, когда после войны и хлеб-то был сладким.

Он прожевал медленно, как будто прислушиваясь к себе.

Потом поставил бутылку на стол. Сел на табурет. И сказал в темноту, ни к кому особенно:

— Ну и дела, Петрович. Ну и дела.

За окном начинало светать. Где-то на большом проспекте завёлся первый троллейбус и заскрипел, поворачивая. Пора было собираться на смену. Двор сам себя не подметёт.

Петрович допил квас, съел два бутерброда и завернул третий в газету — на работе пригодится. Потом оделся, взял метлу, стоявшую в углу, и вышел на улицу.

Утро было свежее, серое, пахло мокрым асфальтом и тополем. Двор спал. И только теперь, глядя на этот свой обычный, до последней трещинки знакомый двор, Петрович вдруг подумал — а вот сейчас интересно.

Как оно всё пойдёт.

Глава 2. Осторожнее с желаниями



Утро вошло в свои права быстро, по-летнему. К семи часам двор уже пах горячим асфальтом и пылью, воробьи дрались за корку у мусорки, а Петрович с метлой в руках шёл вдоль своего подъезда и думал о том, что жить, оказывается, интереснее, чем он предполагал.

Третий бутерброд лежал у него в кармане, завёрнутый в газету, и этим Петрович тихонько гордился. Не потому, что икра, а потому что он оказался человеком основательным: раз чудо — так надо и на потом оставить. Мало ли.

Двор у Петровича был небольшой, но многолюдный: два пятиэтажных дома буквой «Г», детская площадка с качелями без сиденья, гаражи, куда кто-то вечно ставил машину не там, где надо, и лавочка у первого подъезда, где с утра до вечера сидели бабушки. Бабушки были главные. Они знали про всех всё, и если чего не знали — додумывали, и додумки у них были точнее правды. Петрович с ними дружил. Он вообще дружить умел.

Первым делом он подмёл у подъезда. Дело привычное, руки сами делают, а голова — она отдельно. И вот как раз в этой-то отдельной голове и началось.

Подумал Петрович, что неплохо бы сегодня не приставала Клавдия с третьего подъезда. Она у него была как заноза: каждый день что-нибудь находила — то лампочка не горит, то вода отключена, то подъезд не тот. И всё это Петрович, конечно, был виноват лично.

И только он это подумал, как из-за угла вывернулась Клавдия.

Петрович внутренне подобрался: сейчас начнётся.

— Петрович! — крикнула Клавдия издалека.

Он вздохнул и обернулся.

— Ну?

— А я вот мимо шла, — Клавдия остановилась, поправила кофту на груди, — и подумала: чего я к тебе всё с жалобами да с жалобами? Ты мужик хороший, работает себе и работает. Воду вчера дали, лампочку в подъезде сын мне вкрутил. Всё хорошо. Я, собственно, за чем шла-то… Хотела квасу тебе предложить. У меня банка лишняя, застоялась.

Петрович открыл рот.

Потом закрыл.

Клавдия достала из сумки литровую банку домашнего кваса, сунула ему в руки и пошла себе дальше, довольная. Петрович стоял посреди двора с метлой под мышкой и банкой в руках и очень медленно начал кое-что понимать.

Он подумал, чтобы Клавдия не приставала, — и она не пристала. Мало того: она пришла с квасом. С квасом!

— Ох ты ж, — сказал Петрович.

Он поставил банку на лавку, сел рядом, вытер лоб. Мысль, которая его посетила, была простая, но от неё становилось не по себе: значит, всё, что он думает, — исполняется. Всё. Не только квас и бутерброды, которые он пожелал осознанно, а вообще — любая мысль, любое «хорошо бы», любое «вот бы»…

Дворничий мозг Петровича, привыкший за сорок лет работы думать о всякой ерунде вроде «хорошо бы метлу новую» и «хорошо бы пацаны снова не намусорили», встал перед проблемой.

Проблема была в том, что теперь нельзя было думать просто так.

Он это проверил почти сразу.

Мимо прошла баба Нюра, соседка с четвёртого. У неё были больные ноги, и ходила она тяжело, по-утиному. Петрович её пожалел. Просто пожалел, по-человечески, как жалел всегда: «Хорошо бы ей полегче стало». И баба Нюра вдруг остановилась, постояла, потом выпрямилась — удивлённо так, по-своему, — и пошла дальше уже без этой своей утиной походки. Ровненько. Даже спинку держала.

— Нюра! — не удержался Петрович. — Ты чего?

— А чего? — обернулась она. — Ноги-то, Петрович. Ноги-то мои! Будто и не болели никогда. Иду вот и думаю — с чего бы это?

— К погоде, — сказал Петрович.

— К погоде, — согласилась баба Нюра и пошла себе дальше, счастливая, ничего не понявшая.

Петрович посидел ещё.

Вот это уже было серьёзнее. Не квас. Человек.

Он поёжился. И тут же одёрнул себя: «Не думать об этом. Ничего не думать. Спокойно». И тут же с ужасом понял, что если сейчас изо всех сил не думать о чём-нибудь, то это самое «что-нибудь» и случится.

Он спешно подумал о хорошем. О чём-нибудь нейтральном. О бутерброде, что ли.

Вот тут и появился Костик.

Мальчик выскочил из пятого подъезда, с телефоном в руках, и ревел — не по-детски, а как-то взахлёб, беспомощно, будто у него внутри что-то оборвалось.

— Дядя Петрович! — закричал он, увидев метлу. — Маме звонят! Мошенники! Говорят, что я в больнице, что операция нужна, что сто тысяч срочно перевести! Я ей звоню — не берёт! Занято всё время! Они её держат!

Петрович всё понял сразу. Он таких историй наслушался — и от бабушек на лавочке, и по телевизору, и от жильцов, которых уже обманули. Схема старая, подлая и безотказная: берут человека на испуг, держат на линии, не дают опомниться и сбросить.

— Где мать?

— На работе! В парикмахерской на углу! Я туда бежал, а её уже нет, домой пошла!

— Значит, дома будет, — сказал Петрович. — Иди в подъезд. Стой у двери. Как придёт — сразу меня зови.

Костик кивнул и убежал. А Петрович остался стоять, глядя ему вслед.

И — подумал.

Не про наказание. Про предотвращение. Одно-единственное, аккуратное, почти шёпотом внутри себя: «Пусть не дойдёт».

Что там было дальше на той стороне провода, он не знал. По слухам, у мошенников в такие мгновения то банкомат зависает, то перевод отбивается, то голос пропадает, то им самим перезванивает оператор и вежливо интересуется, не заняты ли они чем-нибудь противоправным.

Как бы то ни было — через две минуты мама Костика подходила к подъезду, с телефоном в руке, недоумевающая, но живая. Она так и не поняла, что произошло. Только сказала сыну: «Что за ерунда? Откуда они вообще узнали, как меня зовут?» — и пошла домой, а Костик остался стоять и смотреть на Петровича.

Петрович положил ему руку на голову. Тяжёлую, шершавую, рабочую руку.

— Слушай сюда, — сказал он. — Ты молодец, что испугался. Только в следующий раз не реви в телефон, а вот сюда беги. Понял?

— Понял, — сказал Костик.

И побежал за мамой.

Петрович постоял. Погладил метлу. И пошёл мести двор.

Он мести не успел.

У гаражей, на старой машине, сидели знакомые уже лица: Вадик с приятелями. И не одни, а с четвёртым мужчиной. Мужчина был в кожаной куртке, лет тридцати пяти, с бритой головой, и звали его, как потом узнал Петрович, Игорёк. Из соседнего двора. Из тех, кто «крышует» гаражи: сборы, поборы, а не заплатил — колесо порезал или стекло разбил.

Игорёк говорил Вадику что-то негромкое, а Вадик кивал — нехорошо так кивал, торопливо.

Петрович остановился, пригляделся и понял: у Вадика требуют деньги. «Вступительный взнос». За то, чтобы «постоять за него, если что».

И Петрович — сам не заметил, как это вышло, — подумал.

Не так, как утром: аккуратно. А по-простому, по-мужски.

«Раз взялся взрослого из себя строить, а ума на это нет, — так становись маленьким. Малышом. Чтобы всё, как в детстве: нашкодил — отвечай. И штаны чтоб короткие, и пинетки».

Он даже не успел досчитать до трёх, как на Игорьке стала лопаться одежда.

Не по шву. По-дурацки. Резинка на трусах — слишком тугая. Носки — сползли в ботинки. Куртка — села на размер-другой и застегнуться больше не могла. Штаны — вдруг стали короткими, как в детстве на выпускной в детском саду. И вот на ногах у Игорька оказались пинетки. Розовые. С помпончиками.

Приятели Вадика сначала замерли, потом заржали — громко, до слёз. А Игорёк стоял красный, растерянный, и, кажется, вот-вот собирался заплакать. По-настоящему. Как маленький.

— Ты чего? — спросил Вадик.

— Я… — Игорёк шмыгнул носом. — Я не знаю. Я домой хочу.

И пошёл. Быстро. Прикрываясь курткой, которая по дороге всё норовила превратиться в комбинезончик с зайчиком. Вадик смотрел ему вслед, потом медленно обернулся — на Петровича. Прямо в лицо. И в его взгляде было что-то такое, чего раньше не было: понимание. Мальчик понял.

Петрович проводил Игорька взглядом и вздохнул.

— Ох, — сказал он. — Опять.

Он пошёл дальше по двору. И тут же наткнулся на новое.

Во втором подъезде жила тётка Люба. У неё был самый настоящий талант: она сдавала не свою квартиру. То есть свою, но после того, как ей в наследство достались ключи от старой, где никто не жил. И вот она эту пустую квартиру — сдавала. Разным людям. Одновременно. Семерым.

Об этом весь двор знал, и все вздыхали.

Петрович проходил мимо, а у подъезда стояли двое мужчин и женщина — приезжие, с чемоданами, — и ругались с тёткой Любой, которая говорила им: «Как вы вообще сюда попали? Я вас не знаю. Какие деньги? Я вас не знаю!»

И Петрович подумал.

«Ну раз она такая забывчивая — пусть совсем забудет, как это делается».

И тётка Люба вдруг осеклась. Огляделась. Посмотрела на чемоданы — с недоумением. Спросила у людей: «А вы, простите, кто?» — и по голосу было слышно: не притворяется. Забыла. Забыла, как обманывать.

Стояла такая же Люба, только с пустыми глазами, будто её только что вынули из себя прежней и поставили рядом. Приезжие переглянулись. Петрович подошёл.

— Вы это, — сказал он. — Пойдите-ка в управу. Там разберутся. И никому больше денег не давайте. Поняли?

— Поняли, — сказал один из мужчин, растерянно.

А тётка Люба стояла и плакала. Тихо так, по-старушечьи. Петрович её пожалел. Хотел даже подумать что-нибудь вроде «хорошо бы ей обратно себя», но тут же остановил себя: не лезь. Есть вещи, которые сами устаканятся. Ночью во сне Волшебник не давал советов — а вот это как раз был совет. Тихий, из-под пальм.

Петрович пошёл дальше, помахивая метлой.

День у него вышел на удивление славный. Он подмёл двор. Пообщался с бабушками на лавочке. Отогнал от качелей приезжих пацанов — просто отогнал, словами, без магии, и это было приятно. Погладил соседского кота. Дошёл до крайнего дома, где жила семья узбеков-дворников, помогавших ему зимой, и подумал — тихо-тихо — чтобы у них всё ладилось. И тут же увидел, как их младшая дочка вышла во двор с новым велосипедом, которого у неё быть не могло, и смеётся, и зовёт отца кататься.

Он не знал, был ли это он. Может, велосипед и вправду купили. Может, сосед подарил.

Петрович не стал проверять. Есть вещи, которые лучше оставить невыясненными.

К вечеру, ближе к сумеркам, усталый и довольный, он сидел на своей лавочке. Метла — рядом. Бутылка кваса из магазина — в руке. Двор шумел, жил, гонял мяч, ругался, мирился, пахло жареной картошкой из открытых окон.

И тут Петрович подумал — совсем неожиданно для себя, — что дело-то его, оказывается, не в наказаниях.

Дело в том, чтобы двор был.

Глава 3. По морю, по пляжу, по мыслям



Дома Петрович поужинал вчерашней картошкой, помылся под краном и лёг.

Он рассчитывал, что уснёт быстро, как обычно, — работа на воздухе даром не проходит. Но голова, напуганная днём, не отпускала. Петрович ворочался, вздыхал, гнал от себя все мысли — и каждая прогнанная тут же лезла обратно с чёрного хода. Он думал про Костика. Про Вадика. Про пинетки, которые сам же и наколдовал. Про то, что всю жизнь он управлялся с двором, а теперь двор управляется с ним.

«Хорошо бы сейчас на море», — подумал он в конце концов, измученно, без всякого умысла.

И уснул.

Снится ему сон.

Пляж. Песок — тёплый, белый, крупный, как крупа. Океан синий, с лёгкой рябью, накатывает и откатывает, накатывает и откатывает. Пальмы растут прямо кругом — толстые, широкие, с листьями, как в кино про дальние страны. Жарко, но не душно, как в июле во дворе, а мягко. И на берегу стоит лавка.

Обычная. Такая же, как у Петровича у первого подъезда. Облупленная, зелёная, с одной кривой ножкой.

На лавке сидит Волшебник.

Петрович его узнал сразу, хотя в первый раз во сне они разговаривали как-то без лица. А тут — лицо. Старый, сухонький, седой, в белой рубашке навыпуск, в шортах выше колен, босиком. Ноги худые, жилистые. Смотрит спокойно, понимающе. Рядом с ним на лавке лежит полотенце, а под лавкой стоит кружка — с квасом, Петрович сразу понял, хоть и не видел, что налито.

Петрович подошёл. Оглядел себя.

Он был в рабочем. В брюках, в кепке, в рубахе от спецовки. И в правой руке — метла. Метла! На пляже!

— Стыд-то какой, — сказал Петрович.

Волшебник посмотрел на метлу. Потом на Петровича. И улыбнулся. Молча.

Петрович прислонил метлу к лавке и сел рядом. Океан шумел. Пальмы шелестели. Где-то далеко-далеко кричала птица.

— Слушай, — сказал Петрович. — У меня к тебе один вопрос. Как ты всё это терпишь?

Волшебник посмотрел на него внимательно и кивнул. Мол, рассказывай.

И Петрович рассказал.

Рассказал про квас и бутерброды, про то, как понял, что мысли его исполняются — все подряд, не только те, что хочешь, а вообще любая дрянь, которая в голову взбредёт. Рассказал про Клавдию с банкой. Про бабу Нюру, у которой ноги перестали болеть. Про Костика и мошенников. Про Вадика с объявлением. Про то, как наказал Игорька — пинетками, и как это наказание вышло и смешно, и стыдно одновременно.

Волшебник слушал. Кивал. Ни разу не перебил.

— И вот не могу я, — признался Петрович. — Голова-то не выключается. Я о людях думаю — по-доброму. Но как увижу какую гадость — у меня в груди закипает. И я думаю: наказать надо. И — наказываю. А как оно наказывается, я сам не знаю. Иногда смешно получится, а иногда смотрю — и сам себя боюсь.

Волшебник посмотрел на него долго-долго. И — снова кивнул.

Мол, всё правильно. Мол, действуй дальше.

— Так ведь я не умею! — сказал Петрович. — Я что, волшебник, что ли?

Волшебник на это чуть приподнял бровь. И взял кружку. Отпил квасу. Протянул Петровичу.

Петрович взял кружку, глотнул. И правда квас. И правда холодный.

Он вздохнул и проснулся.

Утро пришло серое, тихое, какое-то примирительное. Петрович полежал, глядя в потолок, и решил для себя: значит, не выйдет. Не выйдет контролировать. Голова — она не для контроля, она для жизни. Он, Петрович, всю жизнь держал в голове одно, а делал другое — и как-то жил. Здесь придётся так же. Просто — аккуратно. Просто — держать сердце в узде. Остальное как получится.

И с этим решением он встал, умылся, съел последний бутерброд — тот, что берёг в газете, и был он так же хорош, как первые два, — оделся, взял метлу и вышел.

Вышел — и тут же понял, что день будет длинный.

У дальнего гаража стояла машина. Дорогая, чёрная, с тонированными стёклами. У машины — двое. Мужчина лет сорока, в рубашке и при галстуке, с лицом человека, привыкшего распоряжаться. И рядом с ним женщина постарше, в платке, с сумкой-тележкой. У женщины было такое лицо, какое бывает у человека, которому очень страшно и очень стыдно одновременно.

Петрович пригляделся — и узнал. Женщина была из его дома, из третьего подъезда, Валентина Степановна. Жила одна, тихая, никого не трогала. А теперь стояла рядом с этим мужчиной, и мужчина говорил ей что-то негромкое, а она кивала.

Петрович подошёл поближе. Шаг. Ещё шаг. И услышал.

— …понимаете, вы потом будете очень жалеть. Старикам сложно. Вам шестьдесят пять уже? Квартира всё равно уйдёт государству. А так — деньги сейчас, и всё по закону.

— Сколько же? — тихо спросила Валентина.

— Сто пятьдесят. Ей-богу, только ради вас.

Петрович замер.

Он слыхал про таких. Слыхал про чёрных маклеров, которые скупают квартиры у одиноких стариков за полцены, а то и вовсе вывозят куда подальше, в глушь, и там оставляют. Слыхал, и раньше это казалось ему чем-то далёким, газетным. А тут — вот оно, во дворе, у гаража, среди бела дня. В его дворе. С его жильцом.

И он — сам не заметил, как это вышло, — подумал.

Не мягко, как про бабу Нюру. И не с усмешкой, как про Игорька. А по-настоящему тяжело, всей своей дворницкой справедливостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.